

ной и условно-схематической «варварской» трактовки, этнографический натурализм и реализм индивидуального портрета боспорцев с чертами нарастающей геометризации, связанной с сарматским воздействием.

Образ героизированного всадника-воина обогащен необычной для боспорской надгробной скульптуры деталью, передающей в личности покойного качества отца.

Нам кажется, что стела Гокона и безымянной женщины представляет немалый интерес для истории боспорской культуры сарматского времени.

Б. А. Шляев

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БАЗЕ СТАТУИ ИЗ ОЛЬВИИ

В Киевском государственном историческом музее хранится значительный обломок белого мрамора (рис. 1), найденный во время раскопок 1938 г. в Ольвии в так называемом Нижнем городе на участке НГ кв. 42, на юг от кладки № 3, как значится в полевой описи, находящейся в Институте археологии АН УССР.

Обстоятельства находки камня не дают возможности отнести его к какому-нибудь известному комплексу. Теперь плита имеет форму, приближающуюся к прямой трехугольной призме, на наименее поврежденной боковой поверхности которой сохранилось десять строк греческой надписи. Сторона с надписью обита со всех сторон, за исключением части верхней грани, и имеет в ширину 0,34 м, а в высоту приблизительно 0,25 м. На верхней плоскости камня (на левой грани, образованной линией разлома) имеется правильной формы неглубокая круглая выбоина (диаметром 0,02 м, глубиной 0,06 м), отстоящая от края лицевой стороны на 0,145 м. Наличие такой выбоины и вся форма камня заставляют думать, что данный обломок является частью мраморной базы какой-то бронзовой статуи, некогда поставленной в Ольвии¹.

В теперешнем своем состоянии надпись на базе читается следующим образом:

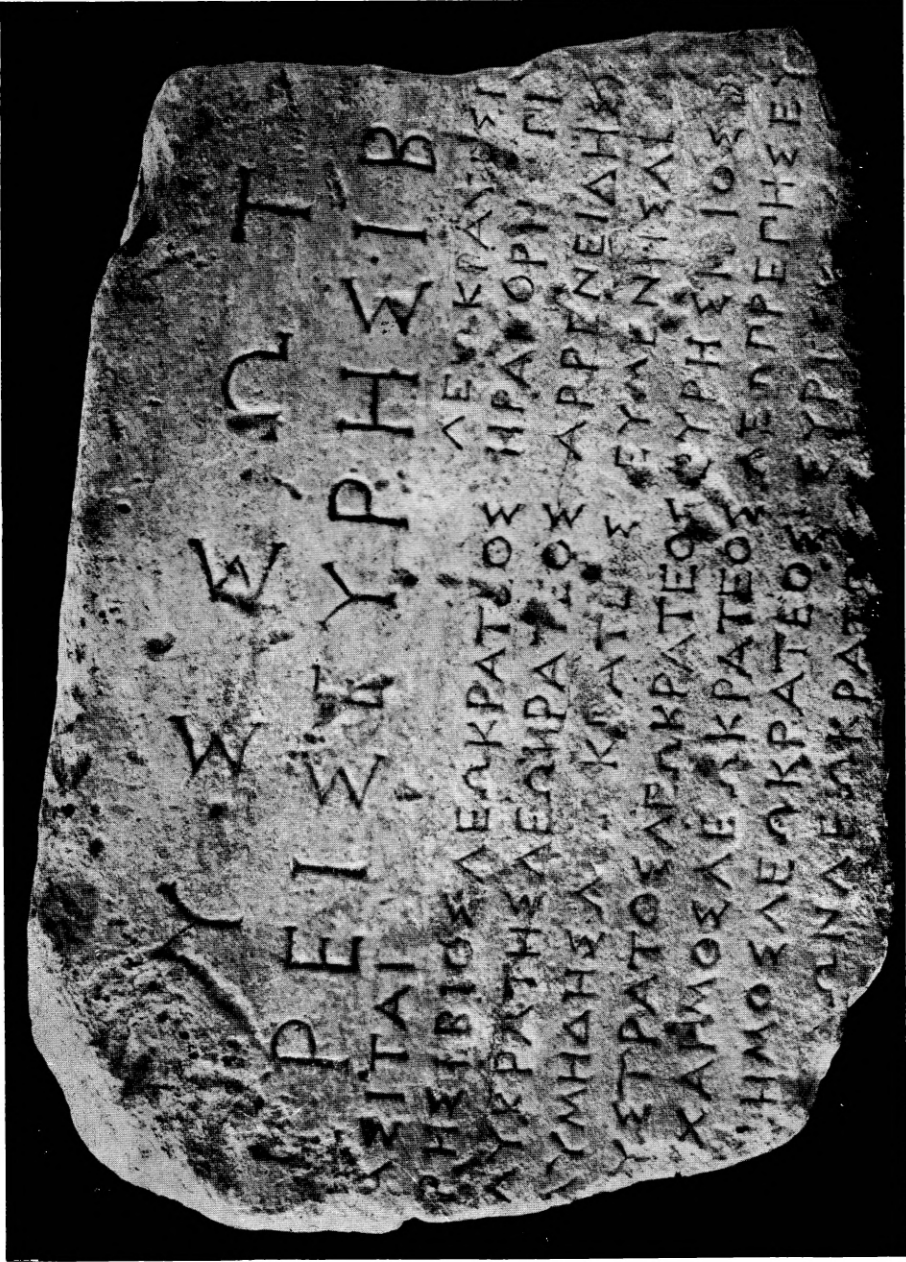
[...] ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ...]
 [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΔΑΙ?]
 [ΚΑΙ ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ ΔΕΟΚΡΑΤ[Η]Σ Ι[ΠΠΟΚΡΑΤΕΟΣ?]
 [ΕΥ]ΡΗΣΙΒΙΟΣ ΔΕΟΚΡΑΤ[Ε]ΟΣ ΗΡΑ[Γ]ΟΡΗ[Σ] ΠΡΑ[ΞΑΓΟΡΕΩ?]
 5. [ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ ΔΕΟΚΡΑΤΕΟΣ ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ [.....]
 [ΠΟ]ΛΥΜΝΑΗΣ Δ[Ε]ΩΚ[Ρ]ΑΤΕ[Ο]Σ ΕΥΜΕΝΗΣ ΔΕ[ΟΚΡΑΤΕΟΣ]
 [ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ ΔΕΟΚΡΑΤΕΟΣ ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?
 [ΠΟΛΥ]ΧΑΡΜΟΣ ΔΕΟΚΡΑΤΕΟΣ ΔΕΩΠΡΕΠΗΣ ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?
 [ΠΟΛΥΔ]ΗΜΟΣ ΔΕΟΚΡΑΤΕΟΣ ΣΥΡΙΣΚ[ΟΣ] [.....]
 10. [ΠΟΛΥΜΕΔ]ΩΝ ΔΕΟΚΡΑΤ[Ε]ΟΣ [.....] [.....]

Шрифт этой надписи — простой и довольно правильный, не имеющий каких-либо выдающихся особенностей.

Буква Π здесь с правой ножкой короче левой, т. е. той формы, которая на аттических надписях встречается с начала IV в. до н. э. и до начала I в. н. э. Буква Σ еще архаической формы, но из тех, которые дольше других были в употреблении (с параллельными, считая сверху, 1-й и 3-й, 2-й и 4-й чертами). Ей соответствует и форма буквы Μ (которая на аттических надписях была до I в. н. э.)². Буква Ω — средней величины и той формы, которая встречается на аттических

¹ Относительно других баз статуй из Ольвии см. IOSPE, I², № 186—192, 196, 198—200.

² В буквах Μ и Σ внешние наклонные черточки заметно длиннее внутренних приблизительно 3 : 2).

Обломок базы статуи с надписью

надписях середины IV в. до н. э. и до середины II в. н. э. (дуга ровно на полкруга или немного больше полукруга с двумя короткими черточками, которые как бы являются продолжением диаметра за кругом). Буквы А, Δ и Λ гочно соответствуют друг другу и все представляют одинаковые равнобедренные треугольники. Буква Ε имеет такие пропорции, что верхняя горизонтальная черточка равняется отрезку вертикальной черточки от верха до средней горизонтальной (особенно во второй строке). Буква Τ имеет горизонтальную черточку несколько длиннее вертикальной. Буквы Β и Ρ точно соответствуют друг другу, причем верхняя дуга делит вертикальную черточку на две почти равные части. Буква Κ имеет наклонные черточки такие, что каждая из них равняется половине вертикальной черточки (внутренний угол почти 90°, внешние по 45°). Буква Υ имеет вполне обычную форму. Буква Ο представляет вполне правильный круг и по величине несколько меньше прочих букв (кроме Ω). Расположение букв по большей части — στοιχῆδον, особенно в 3—10-й строках. Высота букв в 1—2-й строках — 0,02 м (расстояние между ними 0,04 м), а во всех прочих строках — 0,01 м.

Значительные утолщения букв отсутствуют, но у большинства букв хорошо заметны поперечные «украшающие» черточки (так называемые апексы), которые часто встречаются в лапидарных надписях, начиная с 200 г. до н. э.

Итак, из 24 букв «ионийского» алфавита в сохранившемся тексте имеется 19, т. е. все за исключением Γ, Ζ, Ξ, Φ, Ψ. Указанные выше особенности шрифта дают возможность установить для данной надписи очень широкие хронологические пределы: IV—III вв. до н. э. Но, учитывая тенденцию украшать буквы дополнительными черточками, эти пределы можно сузить до одного III в. до н. э.

Восстановить первоначальные размеры надписи, учитывая ее теперешнее состояние, дело весьма не легкое. Во всяком случае несомненно, что надпись продолжалась направо, по крайней мере на расстояние 10 букв. Это пространство было заполнено отчествами при именах: ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ (стк. 3), ΗΡΑΓΟΡΗΣ (стк. 4), ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ (стк. 5), ΕΥΜΕΝΗΣ (стк. 6), ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ (стк. 7), ΛΕΩΠΡΕΠΗΣ (стк. 8) и ΣΥΡΙΣΚΟΣ (стк. 9).

Для понимания содержания памятника нужно было бы восстановить прежде всего первую строку надписи, где сохранилось всего пять букв: . . . ΥΣ ΣΩΤ . . . Нет сомнения только в том, что последние три буквы относились к какой-то форме слова ΣΩΤΗΡ. Мелее вероятным представляется то, что они составляли начало слова ΣΩΤΗΡΙΑ. Последнее слово встречается в посвященных надписях, во с предшествующим предлогом или с предшествующей формой родительного падежа (например, ὑπὲρ σωτηρίας, ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας и т. п.). Не забудем и о третьей возможности: здесь могло быть еще слово (τὰ) σωτήρια «награда за спасение» (ср., например, τὰ ἐλευθέρια «награда за освобождение»).

Гораздо труднее, чем для букв ΣΩΤ . . . (которые мы склонны считать началом слова σωτήρ), установить, к какой форме и какого слова относились буквы . . . ΥΣ первой строки. Можно представить не меньше пяти вариантов восстановления первой строки, хотя все они не вполне удовлетворяют нас:

- 1) [ΖΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ]
- 2) [ΤΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
- 3) [ΘΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
- 4) [ΗΡΑΚΛΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ]
- 5) [ΠΕΡΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ] или ΣΩΤ[ΗΡΩΝ].

Рассмотрим сперва одновременно второй и третий варианты. Принимая одно из этих чтений, мы тем самым предполагаем, что содержание первой строки было связано с культом θεοῖ Σωτήρες, т. е. Диоскуров. Возможно, что в Ольвии существовал культ Диоскуров, хотя прямых свидетельств о его существовании пока нет¹.

¹ Г. М. Гирст, Ольвийские культы, ИАК, вып. 27 (1908), стр. 75—144; о культе Диоскуров — стр. 132.

Вполне понятно, что не исключается возможность иного толкования предложенных здесь второго и третьего вариантов. Так, например, τοὺς σωτήρας могло относиться не только к Диоскурам, но и к другим неизвестным нам героям или героизованным мифическим и историческим предкам, архегетам, ктистам, ойктам (см. ниже), каким-нибудь правителям, властителям, архонтам. Наряду с чтением θεοὺς σωτήρας, конечно, нельзя исключить и вариант θεοὺς σωτηρίους, хотя его смысл так же неясен, как и третьего варианта.

Кроме Диоскуров, сочетание слов θεοὺς σωτήρας могло относиться и к иным богам, имена которых в таком случае предшествовали бы названным словам. Однако этому предположению противоречит отсутствие места на поверхности плиты.

Иное возможное чтение (вариант 1) — ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ, хотя и оно вызовет возражения. Можно указать прежде всего, что для начала надписей эллинистического времени нехарактерно употребление именительного падежа, к тому же не связанного со всем содержанием эпиграфического памятника. В архаическую и классическую эпохи можно найти примеры такого употребления¹.

Другое дело, если бы здесь стоял дательный или винительный падеж: ΔΙ ΣΩΤΗΡΙ, ΔΙΑ ΣΩΤΗΡΑ. В таких случаях связь этих форм с текстом надписи была бы понятной (см. IOSPE, I², № 25, 161, 162 — дательный падеж в надписях из Ольвии, также № 438 из Херсонеса; IOSPE, II, № 29 из Пантикалея; ср. еще SIG, I, № 157, 246; II, 1798, 1799, 2084, 2525, 2852 и др.; родительный и винительный — не так часто).

О возможности употребления сочетания слов Ζεὺς Σωτήρ как сакральной формулы в начале надписи даже в позднейшее время свидетельствует надпись SIG, III, № 5852. Эта сакральная формула в названной надписи является частью boni eventus appellationis: [ΑΓ] Α [Θ] ΝΙ ΤΥΧΗΝ, ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ, по примеру обычного для неаггических надписей упоминания θεός (также в сочетании с Τύχη ἀγαθή в именительном, дательном и винительном падежах).

Такая сакральная формула, очевидно, не была чем-то исключительным в эпиграфических памятниках разных времен и стран, а поэтому можно считать, что наличие ее не исключается и на данном мраморном фрагменте. Для восстановления остальной части текста данной надписи чтение первой строки [Ζε]ὺς Σωτ[ήρ] представляет несомненные удобства, так как 1) в первой строке восстанавливаются на основании этой рабочей гипотезы только две начальные буквы слова Ζεὺς, а что касается восстановления двух последних букв слова Σωτήρ, то наличие их не подлежит сомнению; 2) относительно двух столбцов с личными именами и отчествами (стр. 4—10) слова первой строки занимали бы, как и следовало ожидать, центральную позицию.

Однако не совсем понятным при таком допущении остается взаиморасположение первой и второй строк: под девятью буквами первой строки во второй строке должны были помещаться, как мы увидим ниже, по крайней мере восемнадцать букв. Учитывая заметное стремление резчика располагать буквы одну под другой, надо думать, что под двумя буквами первой строки во второй высекли три буквы. Однако расстояние между буквами предполагаемого слова Ζεὺς должно было быть меньше расстояния между буквами слова Σωτήρ, как это станет понятным из восстановления второй строки.

Так как все края надписи, кроме верхнего, не сохранились, для восстановления ее содержания очень важно установить, где была средняя вертикальная линия, т. е. линия, приблизительно делившая ее на две половины, левую и правую. По всей видимости, эта средняя вертикаль проходила между буквами Σ и Ω первой строки, Ρ и Η второй строки и после отчества Λεοκράτης первого столбца имен всех прочих сохранившихся строк.

¹ Ср., например, формы ΘΕΟΣ и ΘΕΟΙ в начале надписей — F. Solmsen, Inscriptiones Graecae ad illustrandas dialectos selectae, Lipsiae, 1910, № 16, 33, 34, 43.

Это подтверждается таким распределением букв в сохранившихся 4—10-й строках¹ в обоих столбцах:

стк. 4—20 (10 + 10) и 18 (8 + 10!)
 стк. 5—20 (10 + 10) и ? (10 + ?)
 стк. 6—19 (9 + 10) и 17 (7 + 10!)
 стк. 7—21 (11 + 10) и 20 (10 + 10!)
 стк. 8—20 (10 + 10) и 19 (9 + 10!)
 стк. 9—19 (9 + 10) и ? (8 + ?)
 стк. 10—19 (9 + 10) и ? (? + ?)

Над вторым столбцом четвертой строки было (в третьей строке): ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ [ΠΠΟΚΡΑΤΕΟΣ ?], т. е. 20 (9 + 11?).

Таким образом, для первой и второй строк симметрии, вероятно, не требовалось, а в третьей ее, повидимому, совсем не было. Понятно, что признание именно двух столбцов собственных имен, а не большего числа, остается рабочей гипотезой.

Если можно полагаться на сделанную нами попытку установить среднюю вертикаль, то сторона мраморной плиты с надписью не была (сравнительно с прочими известными нам базами статуй и похожими на них плит) очень большой: ее длина видимо, не превышала 0,60 м².

Для второй строки мы предлагаем чтение: 1) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ]. Прежде чем остановиться на таком чтении, мы должны были отвергнуть варианты: 2) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ τοῦ δεῖνος]; 3) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΥ] и 4) [Ι]ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΣ τοῦ δεῖνος], за которыми в третьей строке восстанавливалось [ΚΑΙ ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ.

В древнегреческой ономастике известно много собственных имен с конечной составной частью -βιος (ср., например, 'Αλεξίβιος, 'Αλκίβιος, 'Αναξίβιος, 'Αντίβιος, 'Αριστόβιος, 'Αρχέβιος, 'Αρχίβιος, 'Εργόβιος, 'Ερμόβιος, Εὔβιος, Εὐρύβιος, Ζηνόβιος, Καλλιβιος, Κτησίβιος, Λυσιβιος, Μητρόβιος, Οινόβιος, 'Ορεσίβιος, Πολύβιος, 'Ρηξίβιος, Στησίβιος, Σωσιβιος, 'Υπέρβιος. От некоторых из них были образованы производные имена с патронимическим суффиксом -(ι)άδης, например 'Αλεξίβιος — 'Αλεξιβιάδης, 'Αλκίβιος — 'Αλκιβιάδης, 'Αρχέβιος или 'Αρχίβιος — 'Αρχεβιάδης или 'Αρχιβιάδης, Πολύβιος — Πολυβιάδης. Нам представляется вполне правдоподобным, что от весьма распространенного в Ольвии собственного имени Εὐρησίβιος (Гевресибий, Эврисивий или Еврисивий) могло существовать производное Εὐρησιβιάδης и соответствующее ему название какого-то рода или семьи Εὐρησιβιάδαι, каковы, например, имена известных аттических жреческих родов Βουτάδαι и Εὐμολτίδαι.

Если предложенное нами чтение второй строки «жрецы Гевресибиады (или Эврисивиады)» можно считать верным, то из него вытекают такие выводы:

1) в городе Ольвии IV—III веков до н. э. существовали жрецы Гевресибиады; 2) этот жреческий род должен был вести свое начало от какого-то исторического или мифического Гевресибия; 3) возможно, что в связи с этим существовал и местный культ родоначальника Гевресибиадов (ἥρωας ἀρχηγέτης), 4) возможно, что с существованием Гевресибиадов связано широкое распространение в Ольвии собственного имени Гевресибий, о котором свидетельствуют эпиграфические памятники.

Наряду с вариантом [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ] необходимо принять во внимание второй вариант, а именно: [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ] — дальше πατρωνυμικόν и подразумевая ἀνέθεσαν, ἀνέθηκαν или ἀνέστησαν.

Этот последний вариант второй строки можно связать с указанным выше чет-

¹ Здесь вопросительный знак обозначает неизвестное количество, а восклицательный — восстанавливаемое количество.

² Ср. IOSPE, 1², № 186 (в. 0,28 × д. 0,69 × ш. 0,58), 188 (в. 0,23 × д. 0,75 × ш. 0,68), 189 (в. 0,32 × д. 0,85 × ш. 0,70), 190 (в. 0,36 × д. 1,35 × ш. 0,99), 191 (в. 0,35 × д. 0,71 × ш. 0,71), 192 (в. 0,36 × д. 0,73 × ш. 0,675).

вертым вариантом чтения первой строки; тогда обе первые строки надписи читаются так:

1. [Ἡρακλέος]ος Σωτήηρος
- 2 [ε]ρεῖς Εὐρησίβιον τοῦ δεῖνος]...

Недостатком этого варианта надо признать то, что он плохо согласуется с чтением третьей строки: [καὶ Φι]ασίται.

Рассмотрим еще такие варианты этой строки, как: 3) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ [ΙΟΥ] и 4) [Ι]ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ [ΙΟΣ]...

Представленный здесь третий вариант был бы возможным при условии существования в Ольвии до сих пор неизвестного местного культа какого-то Гевресибия. Однако вполне сомнительной остается возможность существования жрецов героя как особой коллегии, а что в данной надписи речь идет о коллегии — это безусловный факт. Характерной чертой культа героев была их связь с официальными культурами государственной религии (ср., например, надпись на мраморном кресле в театре Диониса в Афинах, SIG, III, 290: ἱερέως Ἀνίχων καὶ ἦρωος ἐπιτεγίου).

Отвергая упомянутые здесь варианты: третий (из-за того, что существование «жрецов Гевресибия» весьма сомнительно) и четвертый (из-за того, что связь слов «жрецы, Гевресибий...» со словами прочих строк остается непонятной), мы имеем право на основании принятого нами первого варианта («жрецы Гевресибиады») высказать мысль о возможности существования в Ольвии местного родового культа героя — архегета Гевресибия.

Ответ на вопрос, какому божеству государственной религии служили упомянутые здесь жрецы, очевидно, надо было бы искать в первой строке, чтение которой представляется весьма затруднительным.

У Плутарха в биографии Арата (LIII, 2—3) можно найти ценное указание на связь культа героизованного умершего с культом Зевса Сотэра, причем и самый праздник в честь героя назывался «сотериями» (τὰ σωτήρια). На основании этого места и возможного чтения первой строки (ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ) данной надписи представляется вероятным, что названные здесь жрецы Гевресибиады служили именно Зевсу Сотэру, с культом которого они соединяли почитание своего родоначальника Гевресибия.

Собственное имя «Гевресибий» или «Эврисивий» (Εὐρησίβιος) хорошо известно из ольвийских эпиграфических памятников¹, а также после открытия Б. В. Фармаковским в 1901 г. склепа Гевресибия и Ареты на территории древней Ольвии за Северной балкой². Факт довольно значительного распространения этого имени в Ольвии достаточно убедительно истолкован Б. В. Фармаковским (ук. соч., стр. 16—17): «Что Эврисивий принадлежал к древней аристократической фамилии Ольвии, с большою вероятностью можно вывести из его имени и имен его отца и тестя (Καλλισφεία и Παπία.— А. Б.). Известно, что у древних греков в каждом роде одни и те же имена переходили по наследству от одного поколения к другому. Имя Εὐρησίβιος в Ольвии встречается неоднократно».

Понятно, что о культе Гевресибия, родоначальника жрецов Гевресибиадов, можно говорить лишь в том случае, если не считать само имя Εὐρησίβιος эпитетом (πρόσκλησις) какого-нибудь уже известного эллинического божества. Известно, что Ζεὺς Σωτήρ был связан с олимпийскими (τὰ Ὀλύμπια) и немейскими (τὰ Νέμεα или Νέμεα) празднествами, которые устраивались в его честь. Среди эпитетов Зевса был и такой, как Εὐρέσιος (Jupiter Inventor, ср. также Εὐρεσίτεχνος, Orphica, 32, 14). Однако из са-

¹ Ср. IOSPE, I², № 39, 83, 101, 105, 106, 130, 131, 134, 151, 155, 175, 187, 201 (несколько раз), 209.

² Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, ИАК, вып. 3 (1902), стр. 1—20. Там упоминается граффито с именем Гевресибия на килике начала IV в. до н. э.— см. И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 44: ΕΡΜΕΩ ΕΥΡΗΣΙΒΙΩ.

мого текста публикуемой надписи очевидно, что Εὐρησίβιος не могло здесь быть эпитетом Зевса, если раньше это божество уже было названо [ZE]ΥΣ ΣΩΤ[HP].

С этой же основой существовало прозвище Зевса Εὐρέσιος (Dionysii Halicarn., Rom. ant., I, 39). В связи с этим стоит отметить, что и само имя Εὐρησίβιος могло быть одним из эпитетов названного божества, хотя прямых свидетельств об этом у нас нет¹.

В третьей строке наиболее интересным представляется упоминание о фiasитах, т. е. членах какого-то общества или корпорации. Такое упоминание мы находим здесь впервые в ольвийских надписях. Сохранившееся сочетание букв...ΑΣΙΤΑΙ в третьей строке, вероятно, нельзя иначе дополнить, чем [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, т. е. Φιασίται. Неясным остается, что именно предшествовало здесь в надписи слову Φιασίται, так как представляется неестественным, чтобы оно непосредственно следовало за словами [ἱερεῖς Εὐρησιβιάδαι].

Вследствие невозможности точно установить первоначальные размеры надписи трудно также ответить на вопрос, могли ли поместиться перед словом [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ слова...καὶ οἱ λοιποί, обычные на боспорских (пантикапейских, фанагорийских, танаитских) памятниках позднейшего времени².

Заслуживает обсуждения также вопрос о размещении слов в этой строке: почему рядом с упомянутым названием корпорации в этой же строке на расстоянии приблизительно 0,15 м оказалось собственное имя ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ [ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?]? Не связано ли это с тем, что налево от столбца, который в четвертой строке начинается именем [ΕΥ]ΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ, существовал еще один столбец собственных имен с отчествами? В таком случае слово Φιασίται должно было стоять в центре этой строки, а пробелу справа должен был соответствовать пробел слева. Этот вариант композиции надписи означает увеличение числа членов фiasа по крайней мере на одну треть. Однако пока что в этой строке мы не можем с уверенностью ничего восстановить, кроме слова Φιασίται и собственного имени Λεωκράτης.

Вполне правдоподобно, что упомянутые здесь ольвийские фiasиты очень мало общего имеют с хорошо известными в гораздо более позднее время боспорскими фiasитами или фiasотами³. Если боспорские фiasиты были, очевидно, весьма своеобразным общественным явлением в Северном Причерноморье в позднейшую эпоху, то упоминаемые в публикуемой надписи наряду со жрецами фiasиты, конечно, были гораздо ближе к собственно эллинским фiasитам, т. е. к членам возглавляемых жрецами религиозных коллегий⁴.

Можно быть вполне уверенным в том, что в данной надписи речь идет об определенной организации (коллегии, корпорации или обществе) ольвийских граждан, а не о случайной группировке людей, для обозначения которой иногда употреблялось слово Φιασότης, как, например, у Ксенофонта (Сопв., 8, 1).

Вопрос об упоминаемых здесь фiasитах безусловно заслуживает более подробного обсуждения, чем это возможно в пределах данной статьи, задачей которой является публикация эпиграфического материала и лишь краткое комментирование его. Мы хотели бы прежде всего обратить здесь внимание исследователей на значение, которое имеет для истории города Ольвии это первое, насколько нам известно, упоминание о фiasитах наряду со жрецами (Гевресибиадами?). Есть основание предполагать, что фias, о котором здесь идет речь, был замкнутой аристократической организацией. Само ее существование подтверждает обострение социального антагонизма в Ольвии раннеэллинистического периода.

¹ Ср. Jupiter Inventor (Bruchmann, Epitheta deorum, приложение к W. H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie).

² Варианты этой формулы в IOSPE, II, № 19 и 455; 63, 441—443, 445—448, 451 и 454; 389, 438 и 460.

³ Н. И. Новосадский, Боспорские фiasы, «Труды секции археологии РАНИОН», III, 1928, стр. 55—68.

⁴ C. Daremberg et E. Saglio, Dictionnaire des antiquités, s. v. Thiasus.

В последующих строках надписи, от четвертой до десятой, обращает на себя внимание присутствующее в левом столбце в качестве отчества имя Леократа, повторенное семь раз, встречающееся также в третьей строке и, возможно, еще в правом столбце, в шестой строке (ΕΥΜΕΝΗΣ ΛΕΩ . . .). Вероятно, такое повторение упомянутого имени объясняется не тем, что в надписи речь шла о сыновьях одного и того же ольвиополиита Леократа, а скорее тем, что перечисленные здесь лица принадлежали к одному и тому же замкнутому аристократическому коллективу в качестве жрецов и фiasитов.

Несомненный интерес представляет имя первого лица в левом столбце списка стк. 4: Гевресибий Леократа. Подобное сочетание имеется в большом списке граждан Ольвии — IOSPE, I², № 201, стк. 1. Имя Εὐρησίβιος выступает в названном каталоге еще два раза в других сочетаниях: I стб., стк. 45 и II стб., стк. 32. Там же находим имя Λεοκράτης еще в сочетаниях с именем ΠΟΛΥΜΕΔΩΝ (I стб., стк. 39 и 62).

Каталог IOSPE, I², № 201 имеет большое значение для публикуемой надписи не только в связи с наличием в нем сочетания имен «Гевресибий Леократа», но и потому, что на обоих памятниках высечены подобные в отношении содержания надписи (перечень имен какой-то общественной организации), а также в связи с проблемой датировки названных памятников. В. В. Латышев считал непонятным назначение ольвийского каталога: «Жаль, что в перечне нет ничего, дающего возможность точнее определить его характер и происхождение; я не останавливаюсь на догадках, которые легко могут возникнуть у каждого» (IOSPE, I², 201).

Среди надписей с перечислением собственных имен из Северного Причерноморья имеются (кроме хорошо сохранившихся посвячительных надписей с именами архонтов и стратегов, агонистических каталогов и упомянутых выше беспорских списков фiasитов) каталоги, значение которых остается пока неизвестным, как отметил еще В. В. Латышев относительно большого списка имен из Горгиппии (IOSPE, II, 402): «Эта надпись и непосредственно следующие за ней являются списками имен, составленными неизвестно для чего».

В отличие от этих списков назначение нового ольвийского списка определяется словами *ἱερεῖς* и *φιαῖται*. Не исключена возможность, что и среди списков неопределенного назначения были подобные ему.

Мы не берем на себя смелости утверждать на основании совпадения нескольких имен, что упомянутый каталог (IOSPE, I², 201) хронологически близок к публикуемому памятнику. Однако следует напомнить, что В. В. Латышев в отношении датировки связывал названный каталог с другими памятниками, хронологически недалекими¹ от рассматриваемого здесь. Из этих памятников стоит упомянуть знаменитую псефизму в честь Протогена, надпись Клеомброта, сына Пантакла, с посвящением башни Гераклу, его же надпись о строительстве пилона и одного прясла стены, надпись с посвящением Гевресибия, сына Деметрия, Зевсу Басилевсу, с посвящением Пантакла, сына Клеомброта, Гераклу, с посвящением Дионисия (отца Агрота и Посидея) Аполлону Дельфинию (IOSPE, I², № 32, 179, 180, 187, 188, 189).

Надписи IOSPE, I², № 188 и 189 вырезаны на базах статуй. На них еще сохранились по два круглых отверстия для ног бронзовых статуй. Безусловно заслуживает внимания и то обстоятельство, что надписи IOSPE, I², № 179, 187, 188, 189, как

¹ Конечно, насколько можно судить по формальным признакам. Позволим себе сослаться на тот же авторитет: «Нам остается еще поставить вопрос о времени памятника, который тем более сложен, что некоторые другие памятники теснейшим образом с ним связаны и прежде всего следующий здесь по номеру памятник, о котором поэтому можно думать, что он возведен этим же Клеомвротом. Сам шрифт надписи таков, разумеется, который без труда может быть отнесен к IV в. до н. э. и настолько похож на следующий, т. е. на шрифт декрета в честь Протогена (32), что вполне можно подумать, будто бы оба вырезаны одним и тем же резчиком, если исключить то, что 180 букв этой надписи вырезаны гораздо большим резцом, а буквы Μ и Π имеют более древние формы» (IOSPE, I², 179).

и рассматриваемая здесь, связаны с культурами богов — Геракла, Аполлона Дельфиния и Зевса Басилевса.

В начале седьмой и восьмой строк нам представляется возможным восстановить имена [ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ и [ΠΟΛ]ΥΧΑΡΜΟΣ по аналогии с пятой и шестой строками, где единственным возможным чтением является [ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ и [ΠΟ]ΛΥΜΝΗΣ. Имя Πολύχαρμος встречается также в IOSPE, I², 32, А, стк. 15. Если считать доказанным наличие в начале первого столбца рассматриваемой надписи четырех таких составных имен, как Πολυκράτης, Πολυγύδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, обнаруживающих стремление резчика поместить одно под другим собственные имена с компонентом πολυ-, то на этом основании можно приступить и к восстановлению имен в начале двух последних сохранившихся строк.

В девятой строке мы предлагаем читать [ΠΟΛΥ]ΔΗΜΟΣ, а в десятой — [ΠΟΛΥ-ΜΕ]ΔΩΝ. В девятой строке может показаться сомнительным имя *Πολύδημος (оно, повидимому, не засвидетельствовано в известных документах). Однако при восстановлении его можно сослаться на вторичное, производное от него Πολυδαμίδαξ (спартаец у Фукидида), на основании которого предполагается существование соответственного первичного *Πολύδημος и ион. аттлч. *Πολύδημος. Кроме соображений, связанных с пространством, на котором должно было поместиться названное имя, мы здесь полагались на подмеченное стремление составителя или резчика поместить в начале первого сохранившегося столбца имена с составной частью πολυ- (в 5—10-й строках).

Надо признать, что для восстановления в начале десятой строки имени Πολυμέδων не очень много оснований. Для восстановления этого последнего мы пользовались аналогией с IOSPE, I², 201, I стб., стк. 39, где находится Πολυμέδων Λεοκράτους. На исследуемом памятнике хорошо сохранились только две последние буквы предполагаемого имени Πολυμέδων, но рядом с ними вполне ясно можно различить поврежденную букву Δ. Греческих имен с окончанием -δων не так уж много, а по расположению имен в данной надписи здесь должно быть восстановлено не простое (ср. Κέρδων, Φαίδων), а составное из двух основ собственное имя. Среди таких имен сравнительно много со второй частью — μέδων (ср. 'Αλκίμέδων, 'Αμφιμέδων, 'Αντιμέδων, 'Αριστομέδων, Αἰτομέδων и т. п.). Следовательно, восстановление здесь имени с сохранившимся окончанием -δων, как содержащего во второй части компонент -μέδων, является довольно вероятным.

Меньше всего оснований для восстановления «отчества» в правом, наиболее поврежденном столбце. Только в шестой строке, учитывая общий характер надписи, можно сделать попытку при имени ΕΥΜΕΝΗΣ восстановить «отчество» ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ (от него сохранился компонент ΛΕΩ-). Еще меньше оснований для восстановления в восьмой строке при имени ΕΥΠΡΕΠΗΣ «отчества» ΕΥ[ΡΗΣΙΒΙΟΥ]. Более вероятным, чем предыдущее, нам представляется восстановление в четвертой строке при имени ΗΡΑΓΟΡΗΣ «отчества» ΠΡΑ[ΞΑΓΟΡΕΩ], хотя оно, повидимому, не засвидетельствовано в северопричерноморских надписях.

Несомненными ионизмами в тексте нового памятника можно признать только форму имени (р. п.) Λεοκράτης, вместо аттического Λεοκράτους, и форму (и. п.) 'Ηραγόρης, вместо аттического 'Ηραγόρας. Для уточнения датировки рассматриваемой надписи эти ионизмы не являются надежной опорой.

В известном списке ольвийских граждан, IOSPE, I², № 201, I стб., мы находим уже упомянутого Πολυμέδων Λεοκράτους (стк. 39), затем 'Αρίστων 'Αριστοκράτους (стк. 52) и, наконец, 'Ηρωτων Πρωτογένους (стк. 63), но этот памятник так же, как знаменитую псефизму в честь Протогена, сына Геросонта (IOSPE, I², № 32), нельзя считать точно датированным. отождествление Геросонта, сына Протогена, в обоих памятниках (№ 32 и 201) кажется весьма заманчивым, но его нельзя считать безусловным. Если считать форму имени Λεοκράτης в ольвийской эпиграфике более древней, чем форму Λεοκράτους, как и все вообще аналогичные формы, то указанное различие в формах между рассматриваемой надписью и надписями № 32 и 201 будет означать для их относительной датировки: рассматриваемую нами надпись пришлось бы считать более древней, чем № 32 и 201.

Имя Ἡραγόρης уже встречалось в ольвийских эпиграфических материалах несколько более позднего времени¹. Такие же ионийские формы имен встречаются надарпанскими на фрагментах чернолаковых сосудов из Ольвии (ср. 0/51—519 и 0/51—1514): ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ и ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ в соответствии с общегреческими Πυθαγόρας и Протаγόρας². Однако точная датировка этих эпиграфических памятников затруднительна. Относительно возможности датировки на основании ионизмов мы можем сослаться на замечание В. В. Латышева по поводу IOSPE, I², № 195: «Формы букв и ионийские формы родительных падежей, а именно Δημαγόρεω и Φιλτίω, доказывают, что эта надпись никак не позже четвертого века до н. э.». Однако на упомянутой надписи наряду с ионийскими формами родительного падежа имен первого склонения мужского рода ясно читается уже не ионийская форма ΑΝΑΞΑΓΟΡΑΝ. Здесь необходимо учесть возможную неравномерность фонетического развития собственных имен сравнительно с нарицательными. Наряду с ионийским Ἡραγόρης здесь, очевидно, можно отметить и чисто аттическую форму имени Ἄρρενείδης — Арренеид³. Как известно, такой случай прогрессивной ассимиляции, как ἄρρην < ἄρρην характерен для аттического диалекта — ср. еще ион., эол., дор. ἔρρη без ассимиляции. Имя Ἄρρενείδης, видимо, было не очень распространенным в древнегреческой ономастике, в Ольвии же оно встречается впервые.

Новым для Ольвии (а может быть, и других городов Северного Причерноморья) является также и имя Λεωπρέτης. Это последнее известно как из литературы (например, Нег., VI, 85, где упоминается Θεασίδης ὁ Λεωπρέπεος), так и из эпиграфических памятников (ср. P—B). Само собой разумеется, что имя спартиата (Ἀλοπρέτης) могло быть «ионизовано» Геродотом. Оно в отношении второго компонента имеет аналогию в составном прилагательном εὐπρέπης (ср. Εὐπρέπης и Εὐπρέπιος).

Таким образом, на сохранившейся части надписи можно прочесть не меньше 15 собственных имен (Ἄρρενείδης, Εὐμένης, Εὐρησίβιος и Εὐρησιβιάδαи (?), Ἡραγόρης, Λεωκράτης, Λεωπρέπης, Πολύδημος, Πολυκράτης, Πολυμέδων, Πολυμήδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, Πραξαγόρης (?), Συρίσχος, из которых имя Λεωκράτης повторяется восемь раз (если не больше) и Εὐρησίβιος — два раза (и еще Εὐρησιβιάδαи).

Контрастом для всех составных имен данной надписи является несоставное имя девятой строки Συρίσχος. Это имя мы находим в уже неоднократно упомянутом каталоге IOSPE, I², № 201 — Εὐμένης Συρίσχοι, II стб., стр. 26, а также в херсонесской псефизме в честь историка Сирикса, сына Гераклеяда, IOSPE, I², 344. Его нельзя признать аристократическим (ср. Σύρος, Σύρα и Συρίσχος, Συρίσκα — P—B), так же как херсонесское Συρίων Συρίωνος (IOSPE, I², 456).

В отличие от перечисленных в надписи I², № 201, о которых мы знаем только, что они свободные, а не рабы, ольвийские граждане, названные в публикуемой надписи, были жрецами (ιερεῖς) и фиситами (φισίται).

Как видно из предыдущего, по своему назначению данную надпись следует сопоставить с надписью на базе статуи IOSPE, I², № 187, которую В. В. Латышев связывает с каталогом № 201 в статье IOSPE, I², № 179 по наличию в каталоге имен Εὐρησίβιος Δη[μητρίου], а на базе — Εὐρησίβιον Δημητρίου.

Учитывая значительную величину базы (в. 1,555 м, ш. 0,76 м, т. ок. 0,305 м), которая впоследствии была использована для псефизмы в честь Карзоаса, сына Аттала (IOSPE, I², № 39), В. В. Латышев высказал предположение, что статуя Гевресибия, сына Деметрия, была изображением всадника. Конечно, вполне естественно думать, что на базе с посвящением такого-то гражданина такому-то божеству стояла

¹ В. Шкорпил, Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии, ИАК, вып. 27 (1908), стр. 68—74, особенно стр. 72—73.

² Т. Н. Книпович, Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции, КСИМК, № 51 (1953), стр. 112—120.

³ Ср. также Ἄρρενείδης — Pape-Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen³, 1884, s. v. (сокращенно P—B).

статуя, изображающая именно гражданина, а не божество. В рассматриваемой нами надписи, нет определенных указаний на то, кого изображала статуя, стоявшая на базе.

Так же осторожно следует подойти к вопросу о датировке данного памятника. В. В. Латышев, хотя и датировал многие памятники приблизительно на основании палеографических указаний, все же неоднократно предостерегал исследователей относительно неточности такой датировки. Например, по поводу надписи на посвятельном памятнике Гевресибия, сына Деметрия, он еще раз напоминает: «Я также отнес бы ее (надпись.— А. В.), по крайней мере, к третьему веку до н. э., насколько вообще в вопросах о времени надписей можно полагаться на палеографические данные»¹.

Если учесть сказанное выше об ионизмах рассматриваемой надписи, позволительно сомневаться также и в том, что [Ε]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ и [Ε]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑ[ΤΟΥΣ] первой строки первого столбца каталога № 201 одно и то же лицо. Однако речь может идти об одном и том же аристократическом (соответственно жреческом) роде, в котором традиционными были упомянутые имена.

После рассмотрения всех затронутых здесь вопросов вернемся к вопросу о возможности восстановления первых двух строк рассматриваемой надписи. Совершенно достоверным в них остается только слово [Ι]ΕΡΕΙΣ. Так как в третьей строке под ним читается [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, то есть основание предполагать, что нижеследующие имена с отчествами являются именами жрецов и фиситов, относящихся к одному и тому же «фису». Так как общий вид мраморного обломка с данной надписью позволяет думать, что это обломок базы какой-то статуи, мы должны в двух первых строках искать указания на то, кого изображала стоявшая на плите бронзовая статуя.

Наиболее простой (т. е. связанный с восстановлением наименьшего числа букв слева и справа) первый вариант возможного чтения — * [Ζε]ύς Σωτ[ήρ] — оказывается наименее удовлетворительным, как указано выше, из-за отсутствия обоснованной связи с прочими строками текста².

При чтении (варианты 2 и 3) [το]ύς Σωτ[ήρα:] или [θεο]ύς Σωτ[ήρα:] можно сослаться на широкое распространение культа Диоскуров и наличие его в Ольвии.

Остановимся еще на четвертом упомянутом выше возможном чтении первой строки:

* [Ἡρακλέο]υς Σωτ[ήρος].

Как известно, с упоминанием имени Геракла в ольвийских надписях связано интересное предположение о происшедшем в городе общественном перевороте, одним из последствий которого было уничтожение названного имени на некоторых эпиграфических памятниках. Это отметил еще В. В. Латышев (IOSPE, I², 186): «Следует упомянуть то, что также и другая надпись почти того же времени с посвящением Гераклу в Ольвии (№ 179) подобным же образом преднамеренно повреждена острым орудием. Легко предположить, что культ Геракла в то время по какой-то причине был упразднен в Ольвии и самое имя его умышленно выскоблено на памятниках». Э. Миннз объясняет это обстоятельство борьбой партий в Ольвии³. Вследствие победы демократической партии над аристократической возникло стремление уничтожить в надписях имя (а может быть, и все надписи полностью) Геракла — покровителя аристократической партии.

Нам представляется правдоподобным, что культ Геракла Сотэра в Северном Причерноморье находил опору в существовании местных культов, перетолкованных на свой лад жителями греческих античных городов⁴. На распространение культа Герак-

¹ Сомнение относительно того, что в вопросе о датировке памятника можно основываться только на палеографических данных, высказано им в статье IOSPE, I², № 179.

² Ср. W. Lagfeld, Griechische Epigraphik, № 252, об употреблении форм именительного падежа.

³ E. H. Minns, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 480—481.

⁴ Б. Н. Граков, Скифский Геракл, КСИИМК, XXXIV (1950), стр. 7—18.

ла-Сотэра у фракийских племен указывают фракийские имитации позднейших (II и I вв. до н. э.) тетрадрахм¹.

Если считать возможным такой вариант, как [HPAKΛEO]YΣ ΣΩT[HPOΣ], то текст первой, второй и третьей строк публикуемой надписи представится в следующем виде:

{Hρακλέος} Σωτ[ῆ]ρος
 {i}ερεῖς Εὐρησιβ[ιά]δαι
 καὶ θε[ο]σῖται...

Принимая во внимание упомянутые ионизмы рассматриваемой надписи, казалось бы, надо отвергнуть этот вариант, потому что форму родительного падежа Ἡρακλέους нельзя считать ионийской. Действительно, у составных имен со второй частью -κλέης родительный падеж в древнеионийском диалекте мог быть -κλήος, а в новоионийском -κλέος. Однако уже у Геродота обычной формой родительного падежа для этого первоначально иеонийского героя является Ἡρακλέους.

На основании высказанных соображений среди возможных вариантов не следует исключать и этого (№ 4). Само собой разумеется, что такое чтение предполагает возможность дополнить рассматриваемый обломок памятника значительным по величине отсутствующим фрагментом с левой стороны от сохранившейся надписи. В этом случае пришлось бы допустить также существование с левой стороны еще одного столбца с именами и отчествами. Неясным при допущении данного варианта остается размещение слов в двух первых строках. Для объяснения этого размещения понадобилось бы добавить какое-то слово между σωτ[ῆ]ρος и {i}ερεῖς, ср. Ἡρακλέους Σωτῆρος Θεσίων, Ἡρακλέους Σωτῆρος Θρακῶν. При этом, однако, вполне естественное Ὀλυμπολιτέων или Ὀλυμπολιτῶν оказалось бы слишком длинным.

Последний вопрос, который здесь затронуть, — это вопрос о причине широкого распространения в Ольвии имени Εὐρησίβιος (Гевресибий, Еврисивий). Если правильным будет предложенное нами восстановление второй строки рассматриваемой надписи [I]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ], то существование жреческого рода Гевресибиадов может служить косвенным свидетельством присутствия в Ольвии культа родоначальника этих жрецов Гевресибия. На существование местных культов героев (родоначальников и основоположников, ἀρχηγέται, κτίσται, οἰκίσται) в Ольвии указывает, например, упоминание героя Сосия в начале второй части (B) знаменитой псефизмы в честь Протогена, сына Геросонта (... ἕως οὗ ὁ ἥρωσ ὁ Σωσίας «... до того места, где герой Сосия...»; Σωσίας — производное от Σωσίβιος). Есть и другие свидетельства².

Относительно возможной связи Гевресибия, сына Каллисфена (см. IOSPE, I², № 221) со жрецами Гевресибиадами рассматриваемой надписи вполне естественно возникает догадка о принадлежности и его к этому же жреческому роду. Даже в том случае, если бы чтение Εὐρησιβ[ιάδαι] оказалось неправильным, несомненным остается существование в Ольвии на протяжении ряда веков традиции, сохранившей в каком-то социально важном коллективе имя Εὐρησίβιος.

Наиболее важным свидетельством рассмотренного нового памятника можно считать упоминание в нем фиаситов, о существовании которых в Ольвии, насколько нам известно, до сих пор не было прямых указаний. Нет сомнения также и в том, что перечисленные в надписи ольвийские граждане были жрецами и фиаситами, т. е. членами какого-то религиозного общества. На внутренние родственные связи или замкнутость упомянутого коллектива может указывать и семикратное повторение в качестве отчества имени Λεωκράτης в ионийской форме родительного падежа (Λεωκράτης). О почитании в Ольвии Геракла-Сотэра можно говорить лишь после новых

¹ В. Head, *Historia numorum*², стр. 229, рис. 166, оборот: Ἡρακλέους Σωτῆρος Θεσίων (обнаженный Геракл с дубиной и львиной шкурой), а также стр. 243.

² Например, фрагмент мраморной плиты со словом ΗΡΩΑ[N], Ольвия, т. I, К., 1940, стр. 266, № 6 (обнаружен в 1935 г., случайная находка).

неопровержимых доказательств в пользу возможности чтения:

[Ἡρακλέους Σωτ[ῆρος].

Во всяком случае рассмотренная здесь надпись на мраморном обломке является немаловажным историческим памятником города Ольвии, и нашей основной задачей было обратить на него внимание исследователей.

А. А. Белецкий

МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ СКИФСКИЙ КУРГАН

(Предварительное сообщение)

Летом 1954 г. Мелитопольской экспедицией Института археологии АН УССР¹ был раскопан скифский курган в привокзальной, северо-западной части гор. Мелитополя (Первомайская улица), на гребне степной возвышенности. Курган находился среди надворных построек. От насыпи его, имевшей первоначально около 6 м высоты, к моменту раскопок сохранилась лишь центральная часть в виде обрывистого земляного останца, имевшего не более 3 м высоты.

На выровненном основании северной части кургана, ближе к его центру, хозяин усадьбы при рытье колодца обнаружил на глубине 0,7—0,8 м ниже погребенной почвы полузаваленное подземелье, тянущееся с севера на юг. Через некоторое время свод подземелья полностью обрушился, образовав на поверхности продолговатую яму.

Сотрудники Мелитопольского краеведческого музея Ф. Ф. Круглик и Н. И. Волчкова, желая исследовать подземелье, дошли в его юго-западной части до глубины 5,5 м от поверхности грунта. Здесь в слое рыхлого песка и комьев глины были обнаружены 194 мелкие золотые орнаментированные бляшки, золотая диадема в виде узкой орнаментированной ленты, бронзовые ромбические пластинки с отверстиями для напивания, бронзовый же колокольчик, железные гвозди и нижняя челюсть человека. Эти находки позволили определить время кургана IV—III вв. до н. э.

Характер подземного помещения и находки в нем дали основание предположить, что здесь обнаружена завалившаяся катакомба большого погребального сооружения. В ходе дальнейших работ, проведенных экспедицией Института археологии АН УССР, выяснилось, что, так же как и большинство степных скифских курганов IV—III вв., Мелитопольский курган содержал два отдельных погребения, со сложными погребальными сооружениями, и конскую могилу, принадлежавшую одному из них.

Широкий объем земляных работ, определяемый глубиной входных колодцев и открываемых катакомб, и непрочность грунта создавали большие трудности при исследовании кургана. В глубоких местах пришлось применять деревянные крепления.

Раскопки кургана начаты были с исследования центральной части насыпи, которая состояла из последовательно чередующихся шести слоев плотно слежавшейся морской травы и земляных «валков» (неформованные земляные кирпичи), четко прослеживавшихся в разрезе насыпи. По определению почвоведом проф. Пархоменко, эти валки были изготовлены в пойме р. Молочной. Нижний слой морской травы лежал непосредственно на глиняном выкиде входной ямы, обнаруженной в центре кургана. Слой морской травы и земляных валков над ямой были прорыты грабительским ходом, который проходил через насыпь с вершины (рис. 1). Применение прослоек морской травы для укрепления насыпи при сооружении скифских курганов давно засвидетельствовано в Приазовье: в кургане у с. Шульговки (12 км от Мелитополя) слои земли в насыпи чередовались со слоями морской травы (ОАК за 1889 г., стр. 18).

¹ Раскопками руководил А. И. Тереножкин, участие в работе принимали Е. Ф. Покровская, Д. Т. Березовец, сотрудник Мелитопольского музея Н. И. Волчкова, горный инженер Л. П. Забелин.